

Перевод с чешского.

Лондон, 9 января 1946 года.

Господин Маршал,

Советские писатели утверждают, что Вы вынуживаете тех граждан, которые думают, что они имеют что-то сказать. Ободренный этим я решился написать Вам лично письмо. Меня мучает то, что в письме, как и в приложенном к письму меморандуме, я должен говорить также и о себе. Но иначе нельзя было поступить, т.к. это вытекает из сути дела.

Я начал борьбу против Чехословацкого правительства в Лондоне. Причиной этого не личные, а политические и деловые. После многих колебаний я пришел к убеждению, что Чехословацкое правительство в Лондоне вредит чехословацкому народу и государству. Поэтому я делаю попытку устранить это правительство еще в эмиграции. Я нахожусь в оппозиции к режиму, опирающемуся на признание всех правительств великих держав и имеющего в руках все орудия власти, пропаганды и престижа. Я же начал борьбу в одиночестве или почти в одиночестве, надеясь только лишь на свою правду. Поэтому я живо заинтересован в том, чтобы мои мотивы и цели моих усилий не были истолкованы ложно. Для меня особенно важно то, чтобы никакая клевета или интрига не извращала моего отношения к СССР. Вот почему и обращаюсь к Вам. Я не прошу Вашего вмешательства в наши внутренние дела, как не прошу этого ни от одного союзного правительства. Я прошу Вас лишь принять мою информацию.

Я написал приложенный при этом меморандум о том, каково было и есть мое отношение к СССР и в каком направлении я стал бы продолжать, если бы моя борьба в Лондоне имела успех или если бы наш народ в стране поручил мне какую-нибудь важную общественную роль.

Прошу Вас, господин Маршал, принять выражение моего действительного уважения.

Ваш Рудольф Бехине.

Перевел - *М. Сайчук* /зайцев/

10.01.46
10.01.46
10.01.46
10.01.46
10.01.46

Перевод с чешского.

ОТНОШЕНИЕ К СССР.

Чехословацкая республика будет соседом Советского Союза. Советское правительство заявило о невмешательстве во внутренние дела других государств и проводит в жизнь этот принцип. Этот принцип был включен в Советско-Чехословацкий договор от 13.II.1948 года. Тем не менее ясно, что влияние Советской великой державы на наши судьбы будет сильным и постоянным. Теперь в январе месяце в лондонских садах еще цветут розы, потому что они находятся под влиянием Гольфстрема, который не касается ни одной из них, не вмешивается непосредственно "во внутренние отношения" садов, но создает общую атмосферу и оживляет свое воздействие. Я думаю, что такой есть и будет ситуация Чехословацкой республики. Могучий голос славянской взаимности, который доносится к нам из Москвы, влияние советских идей и советского примера, логика общих границ, в особенности кровь советской молодежи, пролетавшая в наши дни в борьбе также и за нашу чехословацкую свободу — все это не может остаться без глубокого воздействия на дух нации. Имеется, наконец, уже старое влияние. У нас есть в хорошем чешском и словацком переводах вся выдающаяся русская и украинская литература. Имена классиков, как-то: Достоевского, Толстого, Пушкина, Гоголя, Шевченко, Тургенева, Гончарова и многих других вплоть до Чехова, Горького и ~~даже~~ советских писателей и драматургов, известны и общими у нас. Наша дружба к славянскому востоку имеет традиционные духовные корни.

Наконец, я пришел к убеждению, что абсолютный суверенитет малой нации и государства относится к области условных фикций; за 20 лет нашего государственного суверенитета я насытился им. Правда, мы суверенно рекали дела в большей части нашей жизни. Также правда, что на нас оказывали мощные влияния заграничные правительства, картели и т.д. как прямо, так и косвенно. В качестве члена нескольких составов ~~и~~ и пережил не-

скольких дипломатических вмешательствах в наши дела, и однажды случилось так, что мы должны были пожертвовать своими справедливыми интересами в пользу более сильного государства. Суверенность малой нации и государства - дело весьма относительное. В случае Чехословакии и СССР речь идет о том, чтобы естественные влияния великого, мощного государственного союза покоились на базе искренней взаимной дружбы, чтобы эта дружба вкоренилась в самых широких народных массах, которые были бы верны ей до смерти. Я хочу не только лишь договор, а взаимную любовь, которая все охватывает и все дает, не требуя более того, что предоставляет сама.

Я не думаю, что эти взаимные отношения между нами возникнут автоматически. В наших захваченных странах разыгрывается теперь двойной спор. В стране все знают, что без победы Красной Армии не будет чехословацкой и словацкой свободы, что без нее мы навсегда останемся в руках врага. Поэтому все честные люди на родине желают, чтобы Красная Армия победила как можно скорее. Одновременно захваченные страны боится большевизма. Могло бы случиться, что после уничтожения германских военных сил эти страны начали бы действовать в направлении, которое повредило бы дружеским связям между Чехословакией и СССР. Необходимо с самого начала посредством тех людей, которые не вертятся по ветру, как флюгер на крыше, заложить и развивать искреннюю дружбу. Весь этот конъюнктуральный оппортунизм отравил бы наши взаимные отношения. Я утверждал, что как раз этим оппортунизмом проникнут наш правительственный режим в Лондоне. Это - одна из тех причин, почему я борюсь против этого режима. Во главе государства и у руля правления должны стоять люди, которые говорят то, что думают, и поступают так, как говорят. Их политический и личный характер важен для чехословацкого народа: это те, которые не лгут, ни Советскому Союзу, ни Великобритании и Соединенным Штатам. В Лондоне действуют чехословацкие политики, которые вчера основывали с пилюдчинами Федерацию в качестве "плотина против экспансионных планов большевизма", а сегодня они красны, как хареный мартинокии гусь. Если позволит ситуация и будет удовлетворена их личная амбиция, то эти люди завтра предло-

- 3 -

34

хат себя в качестве руководителей антисоветской реакции. Кто в политике повернул раз, повернет и другой раз и в третий. За всю свою жизнь я более всего ненавидел дождь. Одна из чешских пословиц говорит: "С честностью уйдешь далее всего".

-i-i-i-i-i-i-

Если я правильно информирован, то значительная часть бывшего социал-демократического движения, хотя и находится под гнетом и временно молчит, продолжает жить в стране и готовится играть в будущем чехословацком государстве активную роль. Шестидесятилетняя традиция чешского рабочего движения не могла просто так исчезнуть, т.к. мы не немцы. Я верю, что в полполье появились новые вожди, которые выступят перед общественностью, когда придет время. Тем не менее, я не должен отвергать мысль, что некоторые из старых вождей также будут призваны помочь молодым при новом строительстве. Что касается меня, то я не гонюсь не за какой функцией, но и никакую не отвергаю. Возможно, что мои последователи будут нуждаться в моем сотрудничестве. На этот случай я здесь кратко описываю, какое было и есть мое отношение к Советскому Союзу и в каком направлении я хотел бы работать. От возникновения Чехословакии и до вступления СССР в Лигу Наций я находился в стране во главе борьбы против Чехословацкой секции II Интернационала. Великую русскую революцию я считал продуктом русской истории, русской ситуации, русской революционной мысли и русских людей. Я не верил, что она может быть где-нибудь механически повторена. Я был убежден, что революционный метод, который возродил и спас великую царскую страну, мог бы привести к гибели и нашу малую страну. После войны 1918 года большинством чехословацкого народа овладел прямо-таки животный страх, как бы не утратить только что полученную национальную и государственную свободу, если бы чехословацкий рабочий класс решил на свою собственную классовую революцию. Я также разделял этот страх, что убеждение могло быть неправильным, но все же честным. Поэтому я шел на вождя национальной революции Т.Г.Масариком и поэтому после государственного переворота 1918 года и начал борьбу с чехословацким большевизмом.

-i-i-i-i-i-i-i-i-

- 4 -

Проблематика нашего нового государства была сложной и нелегкой. Мы не могли создать государство без доброй воли и помощи Западного мира, который стоял на вершине своей политической и военной силе, тогда как Россия была занята гражданской войной и фактически была исключена из сотрудничества при устройстве послевоенной Европы. Большая часть чехословацкой нации приняла западные политические идеи и примеры, в первую очередь парламентский способ правления. Мы нуждались в доброй воле и помощи Запада и после установления своих государственных границ. И уж не говорю о помощи материальной /продовольствие, сырье, кредиты и т.д./. Мы не имели своей дипломатии /и не имеем ее до сих пор, несмотря на несколько прекрасных исключений/, мы не обшлись без помощи дипломатов Западных держав, прежде всего Франции. У нас не было офицеров с высшим специальным образованием, и мы не обшлись без помощи французского генерального штаба — по крайней мере, нам так тогда казалось. Нам казалось, что все наше государственное существование зависит от победивших великих держав Запада.

Внутри нашей страны продолжались старые опасные конфликты исторического происхождения. Прежде всего это были три миллиона немцев, которые немедленно после переворота теоретически от республики отошли /см. временную конституцию Австрийской Республики Реннера и Баера/ — которая взяла у нас большую территорию, чем позже, во время мюнхенского кризиса, взял Гитлер, но в первый раз это осталось на бумаге, т.к. тогда пангерманцы не имели пушек, танков, самолетов и дивизий/.

Наша общая государственная жизнь началась тем, что немцы создали в Бн Дорберце свое правительство, начали мирное восстание и тотчас после этого устроили парламентскую obstruction. Долгий исторический конфликт существовал между прогрессивным чешским народом и римско-католической церковью. В первые годы существования республики этот конфликт с точки зрения государственного и национального единства играл опасную разрушительную роль. У нас было большое противоречие между городом и промышленностью, с одной стороны, деревней и земледелием — с другой. Противоречие между обеими группами было глубоким, борьба — необычайно тяжелой и страстной. Это

- 1 -

в значительной мере было наследством от австрийской монархии. К этим проблемам присоединилась новая: проблема органического сращения наших восточных территорий с историческими землями. После нескольких месяцев самостоятельного существования государства наша ситуация выглядела следующим образом: вся онемеченная пограничная область под руководством немецких националистов /и социалистических/ отказалась признать немецкое военное поражение и организовала против молодого слабого государства сначала восстание, потом - обструкцию. Политический католицизм исторических земель перешел в острую оппозицию, а в Словакии начал организовывать сопротивление по руководством провенгерских эмигрантов и даже изменников, находившихся на одаубе за границей /сравни роль Англицкого и Туки/. Между сельскохозяйственной деревней и промышленным городом началась страстная борьба. Часть рабочего класса вместе с русскими революционными идеями восприняла также русскую революционную тактику, которая при тогдашнем внутреннем и европейском положении не могла иметь успеха.

Я тогда остался в убеждении, что государственная и национальная чехословацкая свобода проведется бы немедленно с самого начала, если бы весь трудящийся класс отказался сотрудничать при активном строительстве новой государственной жизни. Поэтому и вел часть социалистического лагеря в коалиционном сотрудничестве с крестьянами и городской буржуазией, не боясь обвинения, что я продался буржуазии. Со всей страстью своего убеждения и малой опытностью молодости я противопоставил себя учению и политике И Интернационала в нашей стране.

Я сознательно взял на себя непопулярную среди рабочих позицию непримиримого противника большевизма. Мое положение было нелегким. После ухода Властимила Тушара на дипломатическую одаубу и особенно после его смерти я стал политическим вождем социал-демократии, был членом нескольких коалиционных правительств и несколько раз заместителем премьера. Я должен был заботиться о сохранении парламентского большинства и работоспособности правительственной коалиции, что предполагало постоянную борьбу с

коммунистической оппозицией. От своей прошлой деятельности я не отказывался и не окрашивал ее в розовые краски. Я, чехословацкий политик, более всего на свете люблю свой народ и свою страну, и все, что я делаю, направлено к свободе и к счастью того народа, который выдержал столько исторических экзаменов. Старость и болезнь не сломили моего оптимизма. Я верю в прогресс, верю в народную и национальную свободу нашего народа, особенно теперь, когда правительство решило, чтобы мы стали непосредственными соседями великой славянской империи, которая стоит за нашу дружбу, несмотря на то, что мы малы, слабы и находимся под угрозой мощного врага, от географического окружения которого мы не можем избавиться. Все же моя долголетняя борьба с коммунистами представляет собой лишь решение нашей внутрисполитической ситуации. Эта борьба несколько не помешала мне положительно, дружески относиться к русской революции и к Советскому Союзу. Я с самого начала признавал, что поражение русской революции снова угрожало бы свободе малых наций и что судьба демократии в большей части Европы была бы решена. Поэтому в период, когда делегаты Советского правительства отправились в Врест-Литовск для мирных переговоров с делегатами вильгельмовской Германии, я написал и опубликовал в партийной печати статью "Ободранное величество", в которой, вопреки нападкам реакционной чешской печати, я отстаивал Советское правительство и право русского народа на революцию. Это было перед окончанием I-ой мировой войны. Поэтому в начале 1919 года во главе делегации рабочих представителей я явился в пражский замок, где передал президенту Республики требования о том, чтобы Чехословацкие легионы на сибирской магистрали прекратили борьбу против революции и были отозваны домой. Поэтому же во время похода Пилсудского на Киев я публично писал и говорил против этого, а также нажимал на пражское правительство, чтобы оно сохранило строгий нейтралитет и запретило военной чехословацкой промышленности поставлять Пилсудскому оружие.

И руководил социал-демократией в борьбе за признание Советского Союза де-юре и за установление дружеских связей, политических, экономических и культурных. Я боролся со своей реакцией в правительстве, когда она возстала против допущения советских фильмов в нашу страну, и от всего сердца агитировал в правительстве и в общественности на государственные гарантии кредитам, необходимым для установления экономических связей с Советским Союзом. Когда же эти стремления привели к цели и после заключения договора 1985 г. между Чехословакией и СССР начала развиваться нечто более широкое, чем корректное отношение между двумя правительствами, то-есть когда между народами обоих государств начала развиваться дружба, тогда я переживал час тихого личного счастья. При всей моей скромности я имел право сказать о своем участии в достижении этого результата.

---00000000---

С этого пути накрепко дружба и Советскому Союзу я никогда и ничем не дал себя отвлечь. В конце июня 1989 г. я ушел в эмиграцию нелегальным путем. Первое, что я сделал, это написал из Кракова письмо чехословацкому посланнику в Москве Фирлингеру, в котором просил его помочь мне в "ехать в СССР. Я хотел жить в Москве. Фирлингер мне ответил, что это нелегко и рекомендовал мне ехать в Лондон. Для мамы и моей жены это было болезненное разочарование: мы надеялись, что будем скромно жить в СССР, учиться и помогать той борьбе, приход которой мы чувствовали. Но ничего сделать было нельзя. Когда же в августе того года был заключен договор между СССР и Германией, то я написал об этом статью, которую я когда-нибудь опубликую. Содержание этой статьи известно моим друзьям. В этой статье я изложил свои мысли в России.

На рождество 1940 г. я был гостем в чехословацком батальоне в Англии. Председателем торжественного вечера был полковник Саторне, старый друг СССР. Вал был украшен двумя флагами: английским и чехословацким. Тогда я провозгласил тост, в котором сказал: "Мы все рады, что эти два государственных флага взаимно дополняются в дружном сообществе. Но действительно счастливыми мы будем лишь тогда, когда к ним присоединятся

третий, однокветный." Это было тогда, когда чехословацкое правительство в Лондоне действовало на наклонной плоскости чехословацко-польской конфедерации. Солдаты меня поняли - в зале раздались шумные аплодисменты. На ует в уета летело кричатое слово: Бехине отокт за Совети. Как уже сказано, это было за полгода до вступления Советов в войну.

В марте 1941 года в Лондоне возобновилось издание журнала "Новая Свобода", который я основал в Праге в 1928 году. В первом же номере лондонского издания я опубликовал статью "Письмо поляку", в которой критиковал правительственный пакт с польским правительством, призывал к демократической Польше и устоявшим принципам: ничего без Советского Союза. Дружба с Русской империей основой нашей политики. Содержание статьи было канкемо также под этим углом зрения. Наконец, "Новая Свобода" говорит сама за себя и за меня. Мне остается лишь сказать, что все то, что я написал в этом журнале об отношениях Чехословакии и СССР, я придерживаюсь теперь и не откажусь от этого.

---ooo000ooo---

Теперь из Москвы к нам раздается голос, который мы прекрасно понимаем, как в стране, так и в эмиграции. Это голос славянской взаимности. Современная Москва дала доказательство того, как понимается свобода наций в Советском Союзе. Мы знаем, что теоретиком и практическим политиком советской национальной политики является Иосиф Сталин. Поэтому мы твердо верим, что славянская взаимность, провозглашенная из Москвы, не представляет собой духовное оружие для политического подчинения других славянских наций. Это не инструмент империалистической экспансии. Этот советский пакт не угрожает и неславянским народам. Наоборот, духовным объединением всех славян на идейной платформе демократии, солидарности, свободы и прогресса он представляет могучую политическую силу, которая будет хранить свободу, демократию и прогресс всех малых и слабых наций.

---ooo000ooo---

Теперь я должен высказаться по вопросу о том, почему я начал борьбу чехословацким правительственным режимом, так сказать в конце войны и эмиграции. Прежде всего я должен подчеркнуть, что я никогда с этим режимом не отождествлял себя, я возражал против него, как уже было сказано, но не публично. Постоянные соображения о трагической ситуации на родине мешали мне вызвать раскол публично. Я противился отдельным действиям плохого режима действиями изнутри, но без результата. Наконец, главным вопросом был и является до сих пор эта борьба против гитлеровского владычества в стране. Но единство национальной борьбы нельзя удержать на платформе чехословацкого лондонского правительства. Нужно другое руководство. Имевшиеся у меня до сих пор соображения преодолены событиями. Ситуация требует иных действий. Ближится конец войны и правительство стоит перед новыми задачами, которые нужно решать немедленно.

Правительство Бранка не справится с этими задачами, ибо оно не имеет авторитета, необходимого контакта ни со страной, ни с союзными правительствами, не имеет программы, как это ныне вышло, особенно, во время национального восстания в Словакии. Это правительство построило за границей аппарат, который должен занять руководящие посты в экономике, в армии и в государственной полиции. Я не верю, что этот аппарат пойдет в стране по линии действительно народной политики. Вот где доводи, почему я иду против правительства. Настаивая на том, что новое правительство достигло бы лучших результатов. То, что можно сделать за границей, нужно сделать. Правительство Бранка уже не работоспособно.

В прошлом я стоял за Советский Союз. Тем более я стою за него теперь, когда он с трагическими жертвами завоевал себе положение приказанной мировой державы, когда он представляет собой прочную силу, консолидированную, имеющую успехи.

Если бы мне выпала важная политическая задача, то я старался бы сделать новое правительство уже своим составом и программой гарантией братского сотрудничества с Советским Союзом. До-

41

говор от 12.III.48 г. остался бы фундаментальным камнем нашей политики. Мы бы стремились к тому, чтобы обмен экономических товаров, технических и культурных услуг между обоими государствами был бы самым большим и наиболее целесообразным. Мы бы организовали в Москве "Учреждение по установлению экономических и культурных связей", если бы Советское правительство дало на это согласие. Это учреждение было бы составной частью чехословацкой лондонской администрации. Мы бы стремились как можно быстрее вновь заключить договор с Советским правительством о том, что мог бы предоставить нам Советский Союз в качестве наиболее необходимой послевоенной помощи, а также для восстановления нашей экономики. Остальное мы стали бы искать у западных союзников.

Как всей охле и всего убеждения я стремился бы к тому, чтобы общая чехословацкая политика не мешала бы хорошим отношениям Советского Союза с его западными союзниками. Для Европы и для всего мира было бы самым большим счастьем и благословением если бы сотрудничество СССР, Великобритании и США сохранилось и после войны. Мы бы искали наилучших отношений с новой Польшей, которая, разумеется, должна была бы иметь положительные дружеские отношения с СССР. Точно также мы вели бы себя в отношении и другим малым соседям Чехословацкой Республики.

Видно не следует упоминать о том, что изменение общей исторической ситуации изменило мое отношение к чехословацким коммунистам, как изменило будущие задачи социал-демократии. Я принадлежу к тем социалистам, которые хвалят об"единения всего трудового класса в общей конструктивной политике на основе общенациональной и общегосударственной программы.

Рудольф Бехине.

Перевел 2 Секретарь
Посольства СССР
при Советских Правительствах
в Лондоне -

/И. ЗАЙЦЕВ/

Лондон, начало января 48 г.